

Часть первая. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава 1. Факторы арабских революций

Волна социально-политических потрясений, захлестнувшая в ходе 2011 г. страны Северной Африки и Ближнего Востока, была все же не столь неожиданной, как казалось на первый взгляд. Кризис, конечно, имел достаточно глубокие корни, а потрясения явились отражением того недовольства, которое копилось в Арабском мире ввиду целого ряда неразрешенных проблем как социально-экономического, так и политико-демографического характера. Начавшись в Тунисе после самоожжения мелкого торговца Мухаммеда Буазизи из провинциального города Сиди Бузид, Арабская весна распространялась по принципу эффекта домино, приобретая все больший размах, и в конечном итоге затронула практически все страны Арабского Востока¹.

Вообще подобные революционные волны – весьма редкое явление, лишь считанное число раз имевшее место во всемирной истории (см. подробнее в *Главе 7*). Отсюда и повышенный интерес к предпосылкам, приведшим к подобному развитию событий. Поскольку большинство арабских государств относятся к развивающимся странам со средне- или слаборазвитой экономикой, укоренилась точка зрения, согласно которой главными причинами волны социально-политической дестабилизации, охватившей Арабский мир, были такие факторы, как бедность, нищета, коррупция, неравенство, экономическая стагнация и т. п. Однако это не вполне соответствует действительности, основные причины имеют во многом иной характер.

Революция не бедных и не голодных

Начнем с того, что накануне Арабской весны в Арабском мире не наблюдалось экономической стагнации. Экономики арабских стран

¹ И даже, пусть не слишком сильно, некоторые неарабские мусульманские страны, такие как Иран, Турция и Афганистан. С другой стороны, эхо Арабской весны прокатилось по всему миру (см. *Главу 7*).

до 2011 г. развивались очень даже динамично (особенно в сопоставлении со странами Запада²). В Египте за тридцатилетний период правления Х. Мубарака экономика страны выросла в 4,5 раза. Даже в Йемене ВВП рос достаточно быстрыми темпами (правда, он в значительной степени «съедался» чрезвычайно высокими темпами роста населения, уже нехарактерными для остальных арабских стран) (см. Рис. 1.1).

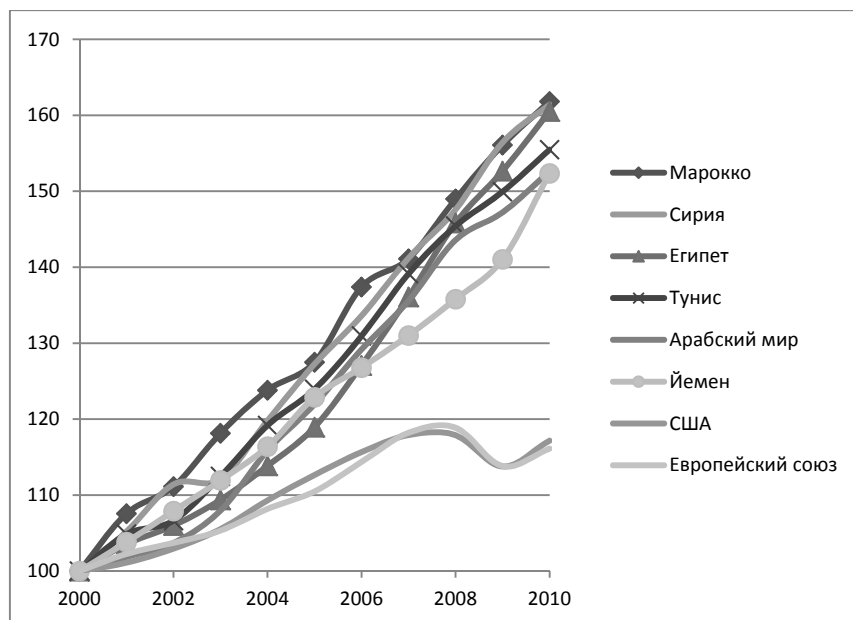

Рис. 1.1. Относительная динамика производства ВВП в арабских странах в годы, предшествующие Арабской весне (2000–2010 гг., уровень 2000 г. = 100); данные по Евросоюзу и США приведены для сравнения

Источник: World Bank 2015.

² Что, впрочем, в значительной степени связано и с процессами великой конвергенции в целом, то есть процессами подтягивания развивающихся стран к развитым [подробнее о великой конвергенции см., например: Коротаев, Халтурина 2009; Халтурина, Коротаев 2010; Коротаев, Халтурина и др. 2010; Коротаев, Божевольнов 2010; Коротаев, Малков и др. 2010; Малков, Коротаев, Божевольнов 2010; Малков и др. 2010; Гринин 2013a; 2014a; 2015a; Акаев 2015; Korotayev *et al.* 2011a; 2011b; 2012; Korotayev, de Munck 2013; 2014; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Grinin, Korotayev 2014a; 2014b; 2015].

Многие исследователи среди причин Арабской весны называют высокий уровень коррупции. Рассмотрим этот показатель более подробно (см. Рис. 1.2).

Рис. 1.2. Значения индекса восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index*) в странах мира, 2010 г. (чем меньше/темнее, тем хуже)

Источник: Transparency International 2010: 2–3.

Примечание: На данной карте более темными цветами выделены страны, отличающиеся высоким уровнем коррупции. Страны, закрашенные более светлыми цветами, характеризуются низким уровнем коррупции.

Согласно данным *Transparency International*, страны Ближнего Востока находятся примерно на том же уровне, что и почти все остальные развивающиеся страны, а также государства, ранее входившие в СССР: практически во всех этих странах наблюдается высокий или очень высокий уровень коррупции. Очевидно, что страны с низким уровнем коррумпированности менее предрасположены к политическим потрясениям (за последние десять лет там не было масштабных социально-политических потрясений, тем более с большим количеством человеческих жертв). Однако и многие страны с высоким уровнем коррупции (Китай, Бразилия, Казахстан, Вьетнам, Италия, Индонезия, Мексика и т. д.) в последнее десятилетие отличались завидной политической стабильностью. Это говорит о том, что коррумпированность режимов при всей значимости этого

фактора для роста недовольства не является доминирующей, и фундаментальные причины политической нестабильности, охватившей Ближний Восток, следует искать в каких-то других факторах. Отметим также, что ближневосточные страны весьма ощутимо различаются по уровню коррумпированности (см. Рис. 1.3).

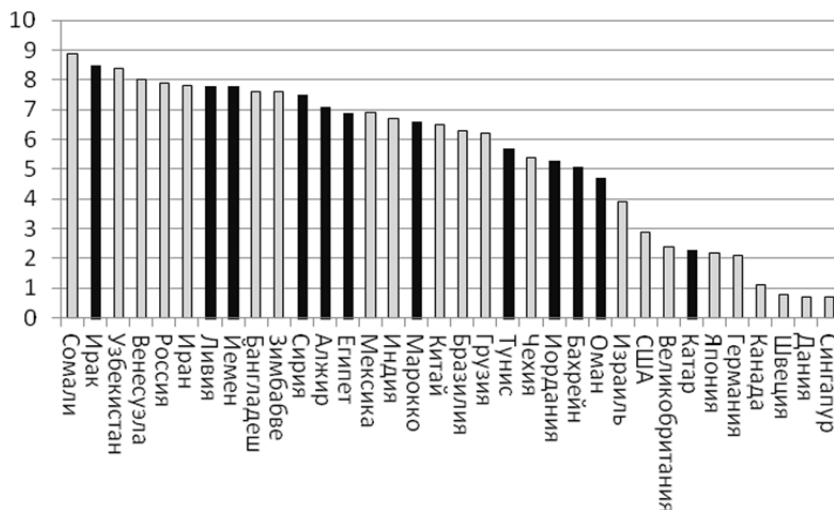

Рис. 1.3. Индекс коррумпированности в некоторых арабских и неарабских странах мира, 2010 г.³

Например, такие страны, как Катар, Оман и Бахрейн, являются одними из наименее коррумпированных, чего нельзя сказать о большинстве других стран того же региона. Однако серьезные социально-политические потрясения произошли как в высоко коррумпированных Ливии и Йемене, так и в странах со средним уровнем коррупции, таких как Тунис и Египет, и даже в государствах с низким уровнем коррупции, например в Бахрейне, Иордании или Омане. Таким образом, вышеприведенный анализ дает дополнительную поддержку тезису о том, что основные причины арабских революций не были связаны с каким-то особым уровнем коррупции. Да, высокий уровень коррупции, характерный для большинства араб-

³ Индекс коррумпированности построен на основе индекса восприятия коррупции [Transparency International 2010] и высчитан вычитанием основного индекса из 10.

ских стран, конечно, внес существенный вклад в генезис Арабской весны. Но речь здесь может идти скорее о постоянном факторе, который способствует нарастанию недовольства, но не выступает решающим условием и тем более непосредственным поводом.

Далее обратимся к бедности населения как одной из возможных причин, спровоцировавших события Арабской весны (см. Рис. 1.4).

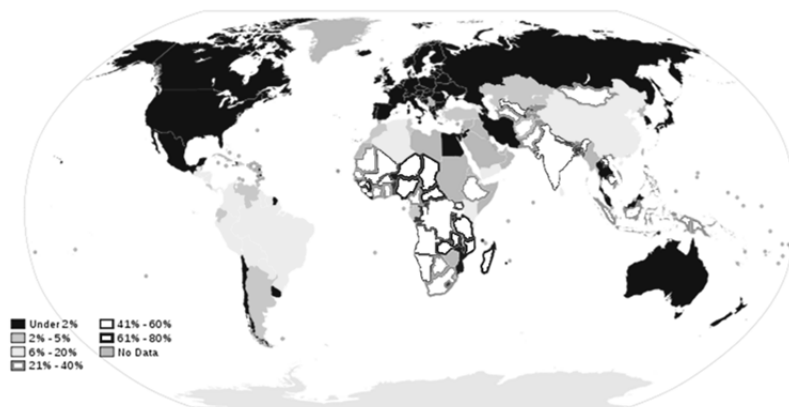

Рис. 1.4. Доля населения, живущего менее чем на 1,25 доллара в день, по данным Программы развития ООН за 2008 г., %

Источник: UNDP 2010: 161–163.

На карте видно, что ближневосточные страны, по которым имеются данные, сильно различаются по показателю крайней бедности, однако ни в одной из них он не превышает 20 % в отличие от таких крупных стран, как Индия и Индонезия, а также государств Центральной Азии и Африки к югу от Сахары. Например, в Египте крайняя бедность накануне начала Арабской весны была практически полностью ликвидирована [см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б]. Вместе с тем в таких странах, как Египет и Иран, где крайняя бедность практически исчезла, политические потрясения в 2011 г. были сильнее, чем в Алжире, где проблема крайней бедности по-прежнему стоит достаточно серьезно. С другой стороны, некоторые бедные страны в других регионах, такие как, например, Танзания с ее крайне высоким уровнем бедности (по данным Всемирного банка [World Bank 2015], на 2007 г. – 67,9 %), оставались

политически стабильными с момента обретения независимости [см.: Зинькина 2010: 230, 237–238]. Из этого следует, что и бедность сложно рассматривать в качестве основной причины революций на Ближнем Востоке.

Менее однозначна в плане влияния на возникновение ситуации дестабилизации оценка безработицы. Рассмотрим индикаторы уровня безработицы (см. Рис. 1.5).

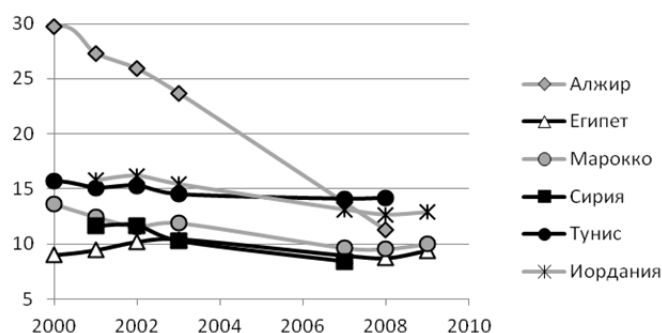

Рис. 1.5. Динамика уровня безработицы в некоторых ближневосточных странах в 2000-х гг.

Источник: World Bank 2015.

Как мы видим, в большинстве ближневосточных стран безработица в 2000-е гг. флуктуировала на достаточно высоком уровне, но при этом никакой сколько-нибудь выраженной тенденции к ее росту не наблюдалось. В большинстве затронутых этими событиями стран в конце 2000-х гг. уровень безработицы составлял от 8 до 15 %: в Сирии – 8,3 %; Египте – 8,9 %; Алжире – 9,9 %; Иордании – 13,4 %; Тунисе – 14 %; Иране – 14,6 %; Омане – 15 %. На схожих уровнях безработица находилась накануне Арабской весны в очень многих политически стабильных странах, скажем, в России она составляла 7,6 %, в странах ЕС – 9,5 % (в среднем), в США – 9,7 %, в Турции – 12,4 %, в Ирландии – 13,7 % (см. Рис. 1.6). В среднем же по миру уровень безработицы в 2010 г. составил около 8,8 % [СИА 2011].

Таким образом, уровень безработицы на Ближнем Востоке, хотя он в целом и был несколько выше среднемирового, никак нельзя назвать крайне высоким. Это свидетельствует о больших успехах арабских стран в сфере занятости, несмотря на бурный рост населения. Однако при этом, по некоторым оценкам, уровень безрабо-

тицы в Ливии⁴ и Йемене составлял 30 % (2004 г.) и 35 % (2003 г.) [CIA 2011] соответственно. Именно эти страны оказались охваченными наиболее сильными волнениями, что позволяет предположить: безработица выше какого-то приемлемого для общества уровня (в особенности среди лиц с высшим образованием) все же могла сыграть не последнюю роль в некоторых странах Арабской весны. Отметим, что именно высокая доля лиц с высшим образованием среди безработных (которые и выступили в большинстве стран Арабской весны основной ударной силой) во многом и придала первоначально событиям их характерный облик, заметно отличающийся от кровавых гражданских войн третьего мира.

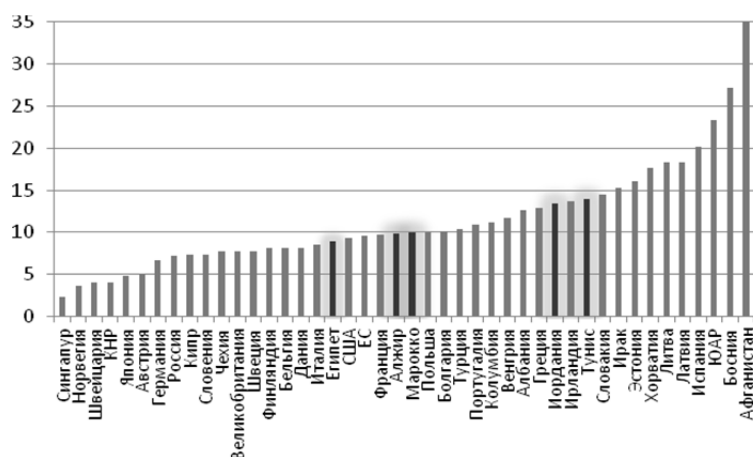

Рис. 1.6. Уровень безработицы в некоторых странах мира на 2009–2010 гг.

Источники: описание источников см. в: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б.

Также необходимо уделить внимание тому факту, что при не очень высокой (по мировым меркам) общей безработице арабские страны имели значительно больший уровень безработицы среди молодежи.

⁴ С другой стороны, высокий уровень безработицы в предреволюционной Ливии сочетался с присутствием там многих сотен тысяч иностранных рабочих [см., например: BBC 2011], численность которых многократно превышала число ливийских безработных. Так что (в отличие от Йемена) речь здесь шла о социокультурной квазибезработице, связанной с нехваткой не рабочих мест вообще, а престижных высокооплачиваемых рабочих мест, приемлемых для лиц с высшим образованием и в особенности – со специальностями, слабо востребованными на реальном рынке труда (журналисты, адвокаты, политологи и т. п.).

Так, в предреволюционном Тунисе безработица среди молодежи достигала 30 %, в Омане без работы оставалась треть выпускников школ и вузов [см., например: Берг 2011б]. Сходные показатели имеют и многие другие страны Ближнего Востока.

Несколько более высокий уровень безработицы среди молодежи, чем в среднем по населению, – достаточно распространенное явление [см.: World Bank 2015]. Однако в странах, охваченных волнениями и революциями Арабской весны, высокий уровень молодежной безработицы имел специфическую природу: он был связан с тем, что многие из этих стран в 2011 г. находились в высшей точке так называемого «молодежного бугра» (*youth bulge*). Это явление ниже мы рассмотрим подробнее, что позволит нам частично ответить и на вопрос о факторах синхронизации событий Арабской весны.

Факторы синхронизации событий Арабской весны и проблема выхода из мальтузианской ловушки

Действительно, возникает вопрос: почему события Арабской весны произошли столь синхронно?

Отметим, что один импульс синхронизации находится не так близко от нас – это 1973 г., скачок мировых цен на нефть. На Арабский мир обрушилась волна нефтедолларов, в первую очередь, естественно, на нефтедобывающие страны, но в конечном счете немалая часть этого потока дошла практически до всех арабских государств. Заметная часть нефтедолларового потока досталась, скажем, тому же Йемену (как Северному, так и Южному) – через каналы арабской помощи, через миграцию йеменцев на работу в Персидский залив и через волну нефтедолларов, которые трудовые мигранты принесли в Йемен. Так что выгоды от роста цен на нефть получили, хотя и в разной мере, в целом все арабские страны, и это способствовало ускорению их модернизации.

Отметим, например, что именно в 1970-е гг. большинство арабских стран выходит из мальтузианской ловушки.

Согласно ВОЗ, рекомендуемая норма потребления продовольствия составляет 2300–2400 ккал на душу населения в день [Naiken 2002]. В традиционных обществах уровень потребления продовольствия значительно колебался и часто опускался заметно ниже этой нормы. Иногда он падал ниже 1850 ккал, минимального допустимого уровня, необходимого для выживания. Это происходило в результате того, что рост населения опережал рост производства

средств к существованию, – такая ситуация получила название мальтузианской ловушки.

Мальтузианскую ловушку⁵ (*Malthusian Trap*) можно определить как типичную для доиндустриальных обществ ситуацию, когда **рост производства средств к существованию (в результате того, что он сопровождается обгоняющим демографическим ростом) не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания**⁶.

На протяжении доиндустриальной истории человечества (в особенности применительно к сверхсложным аграрным социальным системам) масштабные внутрисполитические потрясения были очень часто связаны именно с нахождением человеческих обществ в мальтузианской ловушке⁷. Соответственно выход социальных систем из мальтузианской ловушки должен вести в долгосрочной перспективе к исчезновению особо кровавых внутрисполитических потрясений.

⁵ На языке нелинейной динамики ее также можно назвать аттрактором равновесия нижнего уровня (*low-level equilibrium attractor*) [ср.: Nelson 1956].

⁶ См., например: Malthus 1978 [1798]; Мальтус 1993 [1798]; Гринин, Коротаев 2010б; 2012б; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Коротаев 2006а; 2010; Коротаев, Гринин и др. 2011а; 2011б; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Зинькина 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012а; 2012б; 2013; 2014; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Нефедов 2000; 2001; 2002; 2003; 2005; 2007; 2008; 2010; Нефедов, Турчин 2007; Artzrouni, Komlos 1985; Kremer 1993; Galor, Weil 1999; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b; Korotayev, Zinkina 2011а; 2011b; Korotayev et al. 2011; Kögel, Prskawetz 2001; Komlos, Artzrouni 1990; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003; Nefedov 2004; Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Steinmann et al. 1998; Wood 1998.

⁷ См.: Мальтус 1993 [1798]; Коротаев 2006а; 2010; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Гринин и др. 2010; Гринин 2007в; Гринин, Коротаев 2010б; 2012б; Гринин, Коротаев, Малков 2008; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев, Цирель 2011; Коротаев, Гринин и др. 2011а; 2011б; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Зинькина 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2011г; 2012а; 2012б; 2013; 2014; Коротаев, Зинькина, Ходунов 2012; Коротаев, Малков 2014; Коротаев 2012а; Кульпин 1990; Малков 2002; 2003; 2004; 2009; Малков С., Малков А. 2000; Малков, Селунская, Сергеев 2005; Мугрузин 1986; 1994; Марков, Коротаев 2007; 2008; 2009; Нефедов 1999; 2001; 2002; 2003; 2005; 2007; 2008; 2010; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007; Artzrouni, Komlos 1985; Kremer 1993; Galor, Weil 1999; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006b; Korotayev, Zinkina 2011а; 2011б; Korotayev et al. 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; Kögel, Prskawetz 2001; Komlos, Artzrouni 1990; Komlos, Nefedov 2002; Turchin 2003; Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Steinmann et al. 1998; Wood 1998; Chu, Lee 1994; Nefedov 2004; Usher 1989.

Однако нами было показано, что сам выход из мальтузианской ловушки парадоксальным образом может систематически (и вполне закономерно) сопровождаться мощными социально-политическими потрясениями, несмотря на то, что он происходит на фоне долгосрочной тенденции к улучшению⁸ условий существования большинства населения. Это явление было названо нами феноменом «ловушки на выходе из ловушки» [см., например: Коротаев и др. 2010; 2011а; 2011б; 2012; Коротаев, Зинькина 2010б; Коротаев, Малков 2014; Гринин, Коротаев 2012б; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014; см. о такого рода ловушках также в *Главе 7*].

Динамика потребления продовольствия на душу населения в ближневосточных странах с 1961 г. представлена на Рис. 1.7.

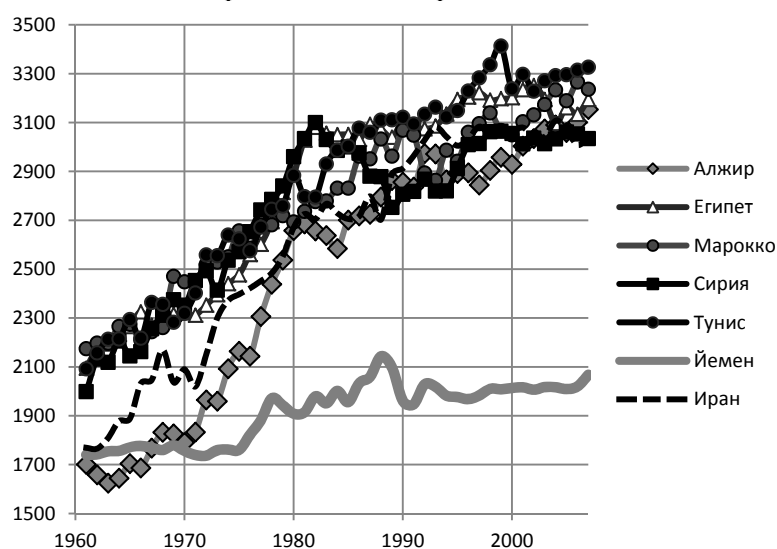

Рис. 1.7. Динамика среднедушевого потребления продовольствия, 1961–2007 гг., ккал на человека в день

Источник: FAO 2015в.

Как мы видим, еще в начале 1960-х гг. ни в одной из представленных в диаграмме стран потребление продовольствия не достигало нормы ВОЗ, а в таких государствах, как Иран, Йемен и Алжир,

⁸ А не ухудшения, как это наблюдалось в социальных системах, находившихся в мальтузианской ловушке (см. литературу в предыдущем примечании).

оно было на уровне серьезного недоедания. Однако за 1960-е – 1970-е гг. абсолютное большинство представленных на графике стран достигло впечатляющих успехов, и уровень потребления продовольствия в некоторых из них, например, в Египте и Сирии, к началу 1980-х гг. составлял около 3000 ккал, что уже ближе к переяданию. При этом сегодня во всех арабских странах, кроме Йемена, наблюдается очень высокий уровень потребления продовольствия. Это означает, что проблема голода в регионе практически решена⁹ (см. об этом также *Главу 7*).

Естественно, следует ожидать, что ликвидация в большинстве арабских стран в 1970-е – 1980-е гг. недоедания и голода должна была привести к самому существенному снижению смертности и увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни в ближневосточных государствах. Именно это и наблюдалось в реальности (см. Рис. 1.8).

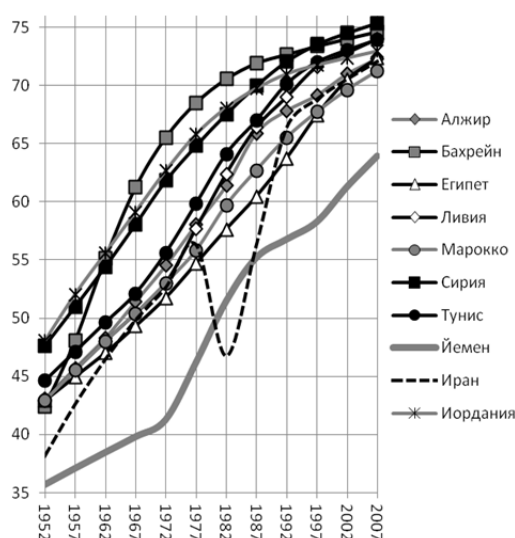

Рис. 1.8. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в некоторых ближневосточных странах, 1952–2007 гг.

Источник: UN Population Division 2015.

⁹ Однако вызывает беспокойство то обстоятельство, что потребление в Йемене до сих пор не достигло уровня ВОЗ и находится примерно на том же уровне, что и в начале 1980-х гг. Это означает, что Йемен до сих пор не выбрался из мальтузианской ловушки, что соответственно увеличивает риск серьезных социально-политических потрясений (о Йемене см. *Главу 4*).

Как можно видеть, абсолютно все арабские страны добились огромного успеха в увеличении продолжительности жизни за рассмотренный период – с 40–45 лет в начале 1950-х гг. до 70–75 лет к 2010–2011 гг. (что сохраняется в основном и по настоящее время¹⁰). Если в начале 1950-х гг. большинство арабских стран отставали по средней ожидаемости продолжительности жизни от среднемирового показателя (47,7 лет), то к началу Арабской весны все представленные на графике государства, кроме Ирака и Йемена, имели продолжительность жизни заметно выше среднемировой (последняя составляла 67,9 лет в 2005–2010 гг.) [UN Population Division 2015]¹¹. Даже в Йемене, где сохраняются проблемы с обеспечением населения продовольствием, за десятилетия, предшествовавшие началу Арабской весны, средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на целых 28 (!) лет.

Это показывает, что за столь резким увеличением продолжительности жизни стояли и некоторые другие крайне важные факторы, кроме ликвидации недоедания. Конечно же, огромную роль в снижении смертности также сыграло развитие в рассматриваемых странах систем современного здравоохранения. На пролившиеся в 1970–1980-е гг. нефтедоллары в целом ряде стран смогли организовать сети больниц, роддомов, поликлиник и т. д. [подробнее об этом см., например: Коротаев, Ходунов и др. 2012: 41–43; Гринин, Коротаев 2012б: 269–271]. Поэтому-то в большинстве арабских государств в 70-е – 80-е гг. мы наблюдаем резкое падение смертно-

¹⁰ Некоторым исключением здесь выступает Сирия (см. *Главу 3*).

¹¹ Интересно отметить, что, по данным того же источника, средняя продолжительность жизни в России за этот период выросла всего на 3,2 года – с 64,5 до 67,7 лет. Таким образом, ближневосточные страны около 60 лет назад отставали от России на 20–25 лет по этому показателю, но в настоящее время на 4–7 лет опережают ее, а Ирак и Йемен отстают менее чем на 5 лет. А в таких крупных регионах мира, как Южная Азия и особенно Тропическая Африка, продолжительность жизни на 15–20 лет ниже, чем в большинстве стран Ближнего Востока. Более того, в Африке южнее Сахары лишь немногие страны (Того, Бенин, Намибия) имеют ожидаемую продолжительность жизни, сопоставимую с Йеменом, страной с самым низким показателем на Ближнем Востоке [см., например: World Bank 2015: SP.DYN.LE00.IN]. Конечно, несмотря на огромные успехи государств Ближнего Востока, средняя продолжительность жизни даже в тех странах, где она наиболее высока, отстает от этого показателя в странах Западной Европы и Северной Америки на 5–10 лет. Это означает, что ближневосточным странам необходимо приложить большие усилия, чтобы добиться роста этого показателя. Тем не менее, хотя ожидаемая продолжительности жизни на Ближнем Востоке и несколько ниже, чем в наиболее развитых странах, нельзя не отметить впечатляющие достижения ближневосточных государств, продолжительность жизни в которых увеличилась на 25–30 лет.

сти, в том числе младенческой и детской, что на фоне сохранявшейся долгое время высокой рождаемости и привело в 2000-е гг. к взрывообразному росту численности молодежи в странах Арабской весны.

«На уровне почвы» резкий рост ожидаемой продолжительности жизни проявил себя через снижение значения таких важнейших демографических показателей, как общий коэффициент смертности и коэффициент младенческой смертности. Динамика общего коэффициента смертности в странах Ближнего Востока представлена ниже (см. Рис. 1.9).

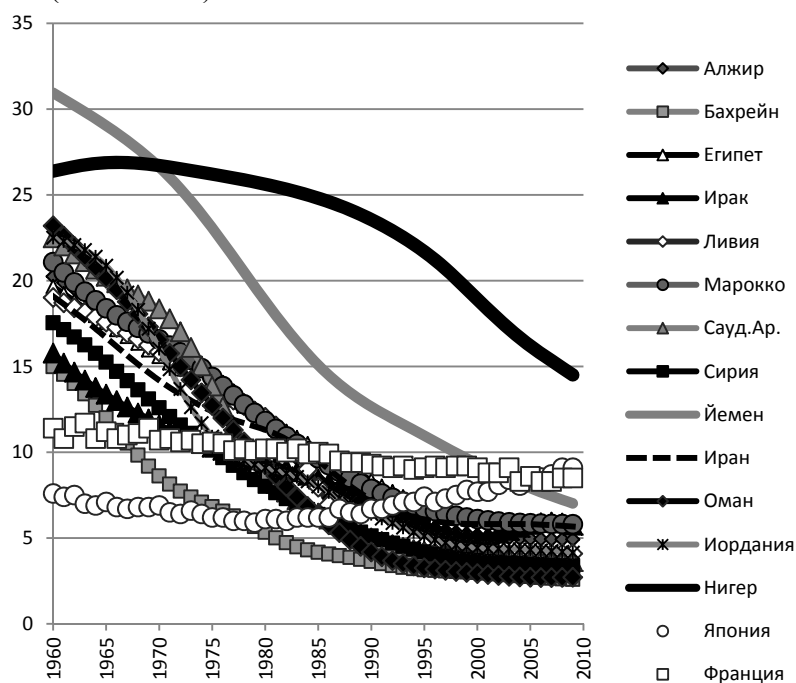

Рис. 1.9. Динамика общего коэффициента смертности (на тысячу, ‰) в некоторых странах мира, 1961–2010 гг.

Источник: World Bank 2015: SP.DYN.CDRT.IN.

На Рис. 1.9 хорошо видна удивительная синхронность падения смертности в ближневосточных государствах (в особенности в 1970-е – 1980-е гг.)¹². Сходная картина наблюдалась и для динамики младенческой смертности¹³ (см. Рис. 1.10).

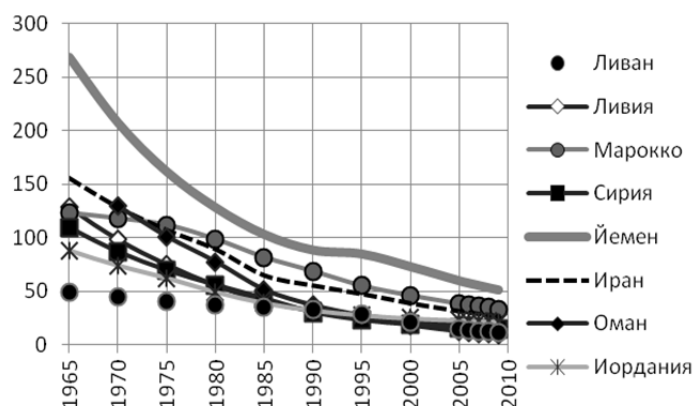

Рис. 1.10. Динамика младенческой смертности в некоторых ближневосточных странах накануне Арабской весны, 1965–2010 гг.

Источник: World Bank 2015: SP.DYN.IMRT.IN.

¹² С другой стороны, на этих же графиках хорошо видны кардинальные отличия динамики смертности в странах Ближнего Востока по сравнению с другими регионами мира: Тропической Африкой (представленной Нигером), развитыми странами Восточной Азии (Япония) и Западной Европой (Франция).

¹³ Младенческая смертность, подобно общей смертности, стремительно снижалась во всех приведенных на Рис. 1.10 странах, однако Йемен продолжает значительно отставать от остальных государств (в 2009 г. здесь умирал 51 младенец на 1000, в то время как в Марокко – 35, а в Омане – только 9). Вместе с тем показатель младенческой смертности (очень важный индикатор уровня развития здравоохранения и социально-экономического положения) остается здесь в несколько раз выше, чем в развитых странах Запада. Если сравнить показатель младенческой смертности в странах Ближнего Востока и в России в 2009 г., то в большинстве стран этого региона (за исключением ряда государств Персидского залива) данный индикатор будет гораздо выше (в России он составил 11,1 ‰). Это обстоятельство хорошо иллюстрирует тот факт, что смертность, особенно мужская, в России выше, чем на Ближнем Востоке, не из-за более низкого уровня развития здравоохранения (так как достаточно низкий показатель младенческой смертности свидетельствует о более развитом здравоохранении в России, чем во многих странах региона), а из-за проблем с высоким уровнем потребления крепких алкогольных напитков [подробнее об этом см., например: Халтурина, Коротаев 2005; 2006а; 2006б; 2006в; 2006д; 2008а; 2008б; Коротаев, Халтурина 2005; 2006а; 2006б; Демин, Коротаев, Халтурина 2009; Коротаев, Божевольнов 2012; Коротаев, Зинькина, Божевольнов 2014; Архангельский и др. 2014; Khaltourina, Korotayev 2008].

К числу важнейших демографических показателей, оказывающих заметное влияние на политическую динамику соответствующих систем, относится также рождаемость населения. Рассмотрим ее динамику на Ближнем Востоке за последние несколько десятилетий. Наиболее точным индикатором уровня рождаемости является суммарный коэффициент рождаемости (число детей, которых женщина родила бы за всю ее жизнь при сохранении наблюдаемых на соответствующий год возрастных коэффициентов рождаемости). Его динамика выглядела следующим образом (см. Рис. 1.11).

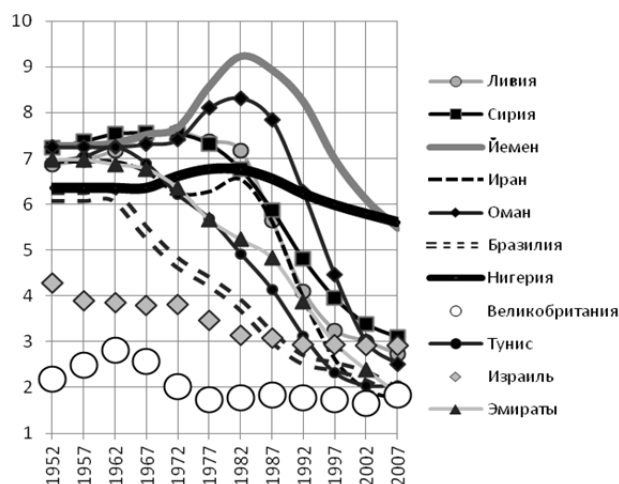

Рис. 1.11. Суммарный коэффициент рождаемости в некоторых странах мира, 1952–2007 гг.

Источник: UN Population Division 2015.

Сопоставление графиков на Рис. 1.8–1.11 показывает, что в полном соответствии с теорией демографического перехода¹⁴ снижение рождаемости в арабских странах шло с очень существенным запаздыванием относительно снижения смертности. Как мы видим, до начала 1970-х гг. суммарный коэффициент рождаемости составлял во всех ближневосточных странах 7–8 детей на женщину, и только с 1970-х гг. он начал снижаться, при этом по-настоящему быстрое

¹⁴ См., например: Вишневский 1976; 2005; 2006; Коротаев, Малков, Халтурина 2005; 2007; Chesnais 1992; Korotayev, Malkov, Khaltourina 2006a; Caldwell *et al.* 2006; Gould 2009; Dyson 2010; Reher 2011; Livi-Bacci 2012.

снижение данного показателя в большинстве арабских стран началось лишь в конце 1980-х гг. (а в таких странах, как Оман и Йемен, само снижение началось только в середине 1980-х гг.)¹⁵.

Рис. 1.12 наглядно показывает, какие изменения в значениях общего коэффициента рождаемости произошли на Ближнем Востоке за последние 40 лет.

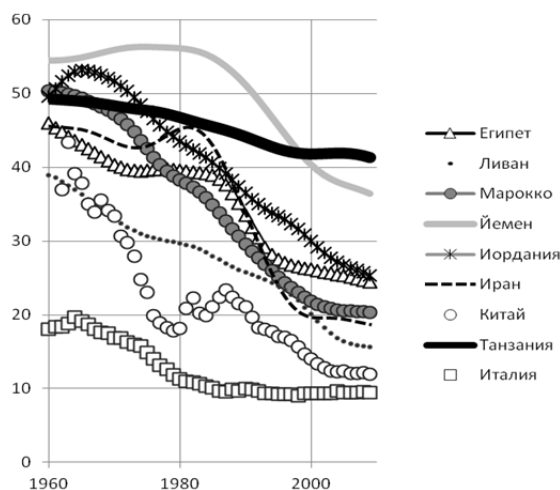

Рис. 1.12. Общий коэффициент рождаемости в некоторых странах мира (на тысячу, ‰), 1960–2008 гг.

Источник: World Bank 2015: SP.DYN.CBRT.IN.

¹⁵ Сегодня в большинстве ближневосточных стран рождаемость составляет 2–3 ребенка на женщину. Однако для некоторых стран и этот уровень является достаточно высоким. Так, в Египте, где рождаемость в 2009 г. составила 2,8 детей на женщину, естественный прирост населения составляет 1,7 %, а численность населения превысила 86 миллионов человек. При этом страна катастрофически перенаселена: 97 % населения живет на 4–5 % территории (в дельте и долине Нила [см., например: Мамед-заде 2005; Ischinger, Jorgensen 2010: 18], где плотность населения составляет 2200 человек на 1 км², что в 2 раза больше плотности населения в Бангладеш – самой густонаселенной страны мира (1142 человека на 1 км² в 2010 г.). Египет уже сейчас испытывает огромные проблемы, связанные с перенаселенностью и загрязненностью городов, в ближайшем будущем также возможна нехватка питьевой воды. Подобная ситуация может сложиться в скором будущем и в Йемене, где очень мало пригодных к обработке земель, а рождаемость до сих пор чрезвычайно высока (около 4 детей на женщину). Все это говорит о необходимости снижения рождаемости в возможно более короткие сроки. Тем не менее нельзя не отметить огромные успехи ближневосточных стран в снижении этого показателя. Так, в Омане рождаемость за 25 лет снизилась с 8,3 до 2,5 детей на женщину. Для сравнения, Нигерия, самая большая страна Тропической Африки, добилась снижения рождаемости за то же время только с 6,8 до 5,6 ребенка на женщину.

Так, если в 1960-х гг. общий коэффициент рождаемости составлял во всех представленных на графике странах от 40 до 55 живорождений на тысячу человек населения (‰), то сейчас в большинстве из них рождаемость снизилась в 2–3 раза и составляет от 15 до 25 ‰¹⁶. Вновь, как и в процессе снижения смертности в странах Ближнего Востока, обращает на себя внимание относительная синхронность падения рождаемости в этом регионе. Как было показано ранее, смертность, особенно детская, интенсивно снижалась в регионе в 1960-х – начале 1980-х гг., когда в большинстве ближневосточных стран сохранялась очень высокая рождаемость (5–7 детей). Соответственно больше детей стали доживать до совершеннолетия, что привело к резкому росту численности молодежи ко времени начала событий Арабской весны во всех рассматриваемых странах. Снижение рождаемости в последнее время привело к резкому росту доли молодежи во всем населении за счет сокращения доли детей до 14 лет (на момент начала Арабской весны в большинстве стран Ближнего Востока доля молодежи от 15 до 30 лет во

¹⁶ Другие регионы мира демонстрируют несколько иную динамику. Китай добился снижения рождаемости до более низкого уровня, чем Ближний Восток (с 35–40 ‰ в 1960-х гг. до 12 ‰ в настоящее время). Италия уже с начала 1960-х гг. отличалась невысокой рождаемостью (18–20 ‰), которая сегодня упала до менее 10 ‰ (9,1 ‰), так что смертность там даже несколько превысила рождаемость, что означает естественную убыль населения, крайне тревожный процесс. В ближневосточных государствах, и тем более в таких африканских странах, как Танзания, ситуация совершенно иная – население здесь интенсивно растет (1–3 % в год). Танзания представляет собой очень характерный пример страны Тропической Африки, где общая рождаемость до сих пор остается на очень высоком уровне (более 40 ‰) и снизилась всего лишь на 8 ‰ за последние 39 лет [подробнее о динамике рождаемости, а также о социально-экономической ситуации в Танзании см.: Коротаев, Халтурина и др. 2010]. Для сравнения, в Йемене за последние 19 лет рождаемость снизилась на 20 ‰ (хотя она и остается здесь очень высокой – 36 ‰). Таким образом, несмотря на то, что на Ближнем Востоке рождаемость заметно выше, чем в Восточной Азии и Западной Европе (как можно было видеть на примере Китая и Италии), в Тропической Африке ситуация вызывает заметно большее опасение, потому что рождаемость снижается там очень медленно, а это (если не добиться ускорения темпов снижения рождаемости) может привести к росту демографического давления, перенаселенности, сложностям в обеспечении населения всем необходимым и в итоге – к политической дестабилизации, в том числе и по классическому мальтузианскому сценарию (то есть к социально-политическим потрясениям даже не на выходе из мальтузианской ловушки, а непосредственно в этой ловушке) [подробнее об этом см., например: Коротаев, Малков, Халтурина 2005; Халтурина, Коротаев 2006б; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Коротаев, Халтурина 2010; Коротаев, Халтурина, Божевольнов 2010; Зинькина, Коротаев 2013а; 2013б; Коротаев, Зинькина 2012б; 2013; 2014; Васильев и др. 2014; Гринин 2010а; 2010б; 2010в; 2011а; 2012з; 2013е; 2014б; Korotayev, Khaltourina 2006; Korotayev 2009; Korotayev, Zinkina 2014; 2015; Zinkina, Korotayev 2014а; 2014б; Grinin 2012с; 2013а].

всем населению составляла 25–30 %, а, например, в Западной Европе – всего 17 % [UN Population Division 2011].

Абсолютно закономерный стремительный рост численности молодежи (и ее доли в общей численности населения), наблюдающийся в процессе выхода из мальтузианской ловушки и в целом – модернизации (в особенности модернизации демографической) ведет к формированию явления, уже упоминавшегося выше, – «молодежного бугра» (*youth bulge*). Как отмечает известный американский социолог Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах¹⁷. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие “молодежного бугра” (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... – [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры» [Goldstone 2002: 11–12]. Действительно, молодежь является частью общества, наиболее склонной к радикализму; она часто испытывает трудности с трудоустройством, к тому же заметная часть молодежи в результате модернизации оседает в крупнейших городах, создавая угрозу центральной власти [см., например: Гринин, Коротаев 2009а; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Grinin 2012с; Moller 1968; Goldstone 1991; 2002: 11–12; Mesquida, Weiner 1999; Heinsohn 2003; Fuller 2004].

Фактор «молодежного бугра», например, сыграл немаловажную роль в генезисе египетской революции 2011 г. (см. также *Главы 2 и 6*). В Египте к 2011 г. «молодежный бугор» находился на пике, при этом более миллиона молодых людей в возрасте 20–

¹⁷ См.: Гринин, Коротаев 2009б; Коротаев, Божевольнов и др. 2010; Коротаев, Малков 2014; Korotayev, Zinkina, Kobzeva *et al.* 2011; Korotayev, Malkov, Grinin 2014.

24 лет были безработными, значительная часть их проживала в столице страны – Каире. Специфика ситуации в Египте заключалась в том, что почти половина безработной молодежи имела высшее образование, что способствовало меньшему числу жертв, чем обычно при потрясениях такого рода [Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б]. Фактор относительно высокого образовательного уровня ударной силы арабских революций (некоторое исключение здесь составляет, пожалуй, лишь Йемен) явился в целом важным обстоятельством, наложившим свой отпечаток на события Арабской весны.

Столь высокий процент лиц с высшим образованием среди безработных был, конечно, связан и с недостатками в работе системы массового высшего образования в арабских странах. Необходимо упомянуть, что администрации ряда арабских стран успели заметить скрытую здесь опасность и даже начали предпринимать меры по исправлению ситуации. Например, администрация Х. Мубарака в 2010 г. пригласила группу ведущих экспертов ОЭСР и Всемирного банка для разработки программы реформирования египетской вузовской системы. После изучения этой системы группа пришла к следующим не очень утешительным выводам:

– в стране «наблюдается хроническое перепроизводство выпускников университетов»;

– «многим (порядка 50 %) выпускникам не удается получить работу по специальности; особые проблемы существуют у выпускников по гуманитарным специальностям, юриспруденции (с обучением на арабском языке¹⁸), коммерции (с обучением на арабском языке)...»;

– «многие выпускники не имеют навыков, необходимых для выполнения работ по вакансиям, на получение которых они претендуют...»;

– «университетские студенты выражают недовольство тем, что университетские курсы никак не готовят их к практической деятельности...»;

– «существует острая нехватка квалифицированного персонала с образованием ниже высшего» [Ischinger, Jorgensen 2010: 182].

¹⁸ Это значит, что выпускники, получившие образование по юридическим специальностям на английском языке, проблем с трудоустройством не имеют, но и поступить в университет на соответствующее направление практически невозможно.

Надо сказать, что данная группа экспертов не только выявила недостатки египетской вузовской системы (отметим, что выше перечислена лишь их совсем небольшая часть), но и предложила продуманную и детальную программу мер по их исправлению [Ischinger, Jorgensen 2010: 182]. На наш взгляд, осуществление предложенных мер вполне могло хотя бы частично решить проблему перепроизводства университетских выпускников (особенно в сочетании с прогнозируемым в ближайшие годы снижением численности соответствующей возрастной группы), но на это требовалось несколько лет, которых, как теперь выясняется, египетскому режиму отпущено не было.

В целом имеются достаточно серьезные основания утверждать, что основную роль в арабских революциях на их первых этапах сыграла безработная и всяческого рода неустроенная молодежь (и в особенности безработная/неустроенная¹⁹ высокообразованная молодежь). При этом особенно быстрый рост численности высокообразованной молодежи наблюдался в большинстве арабских стран именно накануне Арабской весны, что и послужило мощным фактором синхронизации дестабилизационных процессов в этих странах.

Другие причины арабских потрясений и факторы их синхронизации

Но, конечно, одних только социально-демографических факторов (несмотря на всю их важность) совершенно недостаточно для объяснения удивительной синхронности событий Арабской весны. Действительно, такого рода факторы способны обеспечивать синхронизацию с точностью, возможно, до нескольких лет, но никак не до нескольких месяцев и даже недель, как это наблюдалось в рассматриваемом нами случае.

В качестве одного из таких факторов, обеспечивших подобную более точную синхронизацию, выступила вторая волна агфляции (стремительного роста цен на продовольствие), пик которой пришелся как раз на январь – февраль 2011 г.²⁰ (см. Рис. 1.13 и 1.14).

¹⁹ Под неустроенной высокообразованной молодежью мы понимаем тех молодых людей, которые не могут после окончания вузов найти соответствующую своему образованию работу, то есть они могут и работать, но считают при этом, что их работа не соответствует образованию.

²⁰ Отметим, что речь в данном случае идет о факторе, глобальном в самом полном смысле этого слова.

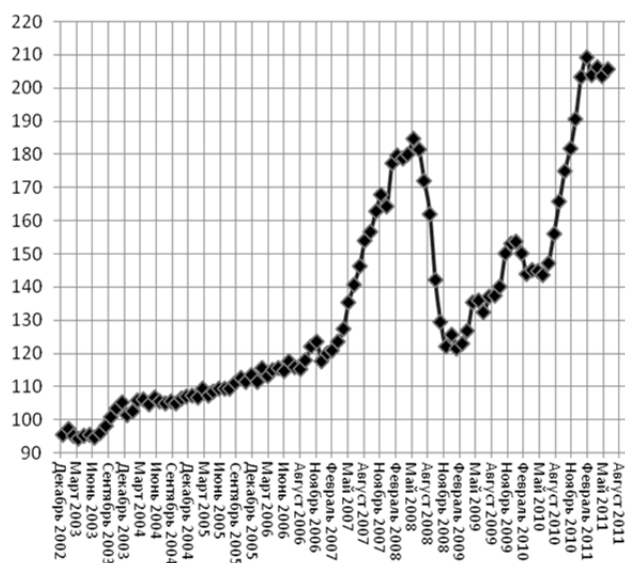

Рис. 1.13. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 гг. = 100, с учетом инфляции), январь 2003 – июнь 2011 г.

Источник: ФАО 2015а.

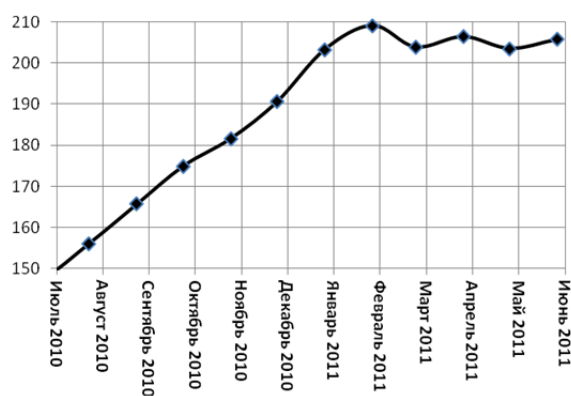

Рис. 1.14. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 гг. = 100, с учетом инфляции), июль 2010 – июнь 2011 г.

Источник: ФАО 2015а.

Это взрывообразное увеличение цен на продовольствие вызвало рост протестных настроений в большинстве стран мира. Не стала здесь, кстати, исключением и Россия, где также, по данным опросов ФОМ, в феврале 2011 г. наблюдался пик протестных настроений как раз на фоне пика обеспокоенности населения ростом цен (см. Рис. 1.15 и 1.16).

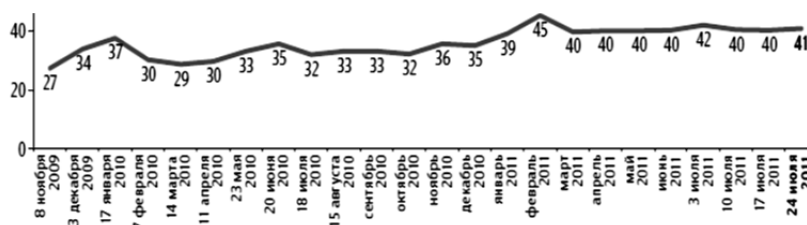

Рис. 1.15. Процент россиян, ответивших «Испытываю» на вопрос «Вы лично испытываете или не испытываете недовольство, готовность участвовать в акциях протеста?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 – июль 2011 г.

Источник: ФОМ 2011б: 12.

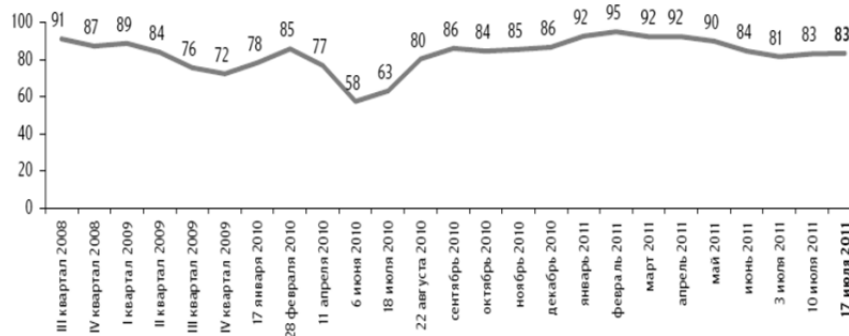

Рис. 1.16. Процент россиян, ответивших «Выросли» на вопрос «По Вашему мнению, за последний месяц цены на основные продукты, товары и услуги в целом выросли, снизились или почти не изменились?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 – июль 2011 г.

Источник: ФОМ 2011а: 15.

Конечно, роль этого фактора нельзя и преувеличивать (ведь в конце концов в большинстве стран мира индуцированный второй волной агфляции рост протестных настроений не привел к скольконибудь серьезным социально-политическим потрясениям), однако в находившихся в неравновесном социально-политическом положении арабских странах этот фактор явно сыграл важную дополнительную роль в генезисе социально-политических потрясений [см., например: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б], выступив одновременно и в качестве импульса синхронизации событий Арабской весны. Также эта волна способствовала тому, что к ударному отряду Арабской весны, неустроенной высокообразованной молодежи, присоединились массы простых арабов, оказавшихся в результате взрывообразного роста цен ниже уровня бедности. Это, конечно, придало волнениям необходимую для потрясения (и свержения) режимов массовость.

Что же касается общих условий совершения арабских революций, то в качестве очень важного условия необходимо отметить особенности политических режимов, которые явно не были реально демократическими и, являясь авторитарными, не могли считаться полностью легитимными. Это определило их неустойчивость в период начавшихся народных движений (мы еще рассмотрим это подробнее в разделе о египетской революции и в *Главе 2*).

Анализ коррелятов политической нестабильности, проведенный участниками проекта *State Failure Task Force Report* с помощью множественной линейной регрессии, показал, что наиболее высоким риск политической дестабилизации оказывается для частичных/неполных демократий, в то время как заметно более высокой устойчивостью характеризуются и последовательно демократические, и последовательно авторитарные режимы [Goldstone *et al.* 2003; 2010]. Особенно актуальной эта закономерность становится именно в современном стремительно глобализирующемся мире²¹. Дело здесь в том, что применительно к современным модерни-

²¹ Исключительная важность этого фактора как раз для событий Арабской весны была вполне убедительно продемонстрирована при помощи все того же множественного линейного регрессионного анализа С. В. Цирелем [2012а]. Действительно, наиболее быстро рухнули непоследовательно авторитарные режимы Туниса и Египта. Дольше удалось продержаться более авторитарному режиму Али Абдаллы Салеха в Йемене, вероятно, выглядевшему более легитимно в глазах йеменцев, чем режимы в Египте и Тунисе, но все же многим из них за 33 года изрядно надоевший. Последовательно авторитарный режим ал-

зированным обществам демократия выступает как практически безальтернативный способ легитимации власти [см., например: Фурман 2010: 21; Цирель 2012б; Гринин 2012а]. Это важно с точки зрения как внутренней, так и внешней легитимности (причем последняя является более важной для режима в условиях его устойчивости, а в условиях социальных волнений, разумеется, дело обстоит иначе). Традиционный монархический способ также остается достаточно эффективным способом легитимации, но на него практически нереально опереться там, где он уже утрачен (в целом же конституционная монархия оказывается едва ли не наиболее эффективным, бескровным вариантом промежуточной фазы демократической трансформации). Даже самым последовательным авторитарным (но немонархическим) режимам в современном мире приходится прибегать для легитимации к разного рода демократическим по своей форме источникам типа апеллирования к «воле народа» – вспомним, что даже наиболее последовательно тоталитарный режим современного мира все-таки позиционирует себя как Корейская Народно-Демократическая Республика.

Таким образом, большинство немонархических авторитарных режимов вынуждено для своей легитимации время от времени проводить выборы, которые, естественно, практически по определению проходят с нарушением демократических процедур (в том числе и с прямой фальсификацией волеизъявления избирателей). Мало того, нередко такого рода фальсификации (при всей нечистоплотности подтасовок) объективно оказываются заслоном на пути к власти партий и сил, которые представляют еще большую опасность для демократии (фундаменталисты, радикалы и т. п.).

Каддафи пал только после самого ожесточенного сопротивления и при мощнейшей внешней интервенции. Последовательно авторитарный сирийский режим держится до сих пор. Вместе с тем арабские монархии в ходе событий Арабской весны показали чудеса живучести – ни одна из них не пала. Отметим также, что в ходе Арабской весны нашло вполне убедительное подтверждение и другое наблюдение группы Голдстоуна – более неустойчивыми являются немонархические политические режимы с лидерами, находящимися у власти очень длительное время (более 14 лет). Действительно, все свергнутые в ходе волнений лидеры (в Египте, Ливии, Тунисе и Йемене) находились у власти более отмеченного Голдстоуном и его коллегами срока. В целом же трудно не признать, что принятое в большинстве демократий ограничение периода правления первого лица двумя сроками, по всей видимости, является вполне удачной эволюционной находкой, очень хорошо соответствующей политической психологии человека (после двух сроков даже самый эффективный лидер начинает «надоедать» все большему числу людей, а после 14 лет это число, возможно, имеет тенденцию приближаться ко все более критическому уровню).

В среднеразвитых странах частичная демократизация делает подобные режимы особенно неустойчивыми. Действительно, частичная демократизация предполагает определенное развитие институтов гражданского общества, независимых средств массовой коммуникации и т. п. При этом в современных условиях такого рода режимы, как правило, берут на себя обязательства (как де-факто, так и де-юре) соблюдать определенные нормы. И это фактически не позволяет таким правительствам полностью ликвидировать все оппозиционные НКО, независимые СМИ, поставить все средства коммуникации (включая Интернет) под свой полный контроль (тем более что нарушение данных норм зачастую влечет за собой применение вполне реальных санкций, способных, например, ощутимо снизить инвестиционную привлекательность соответствующих стран). Однако наличие подобных институтов гражданского общества значительно затрудняет фальсифицирование выборов, поскольку позволяет как выявить такого рода факты, так и довести их через независимые каналы СМИ (в современных условиях это прежде всего Интернет и другие средства коммуникации) до сведения очень значительного числа социально активных лиц. (В результате каждые новые выборы в такого рода ситуациях могут сопровождаться все более сильными волнами дестабилизации.) Интернет-сети позволяют организовать конкретные протестные акции. Да, действительно, в подобных сетях участвует лишь небольшое меньшинство населения, при этом в нем очень заметную долю составляют достаточно экономически благополучные представители среднего класса. Но, как показывает опыт последних лет, именно они склонны особенно негативно реагировать на факты фальсификации выборов и способны выступить в авангарде подобного рода протестных движений. Однако по-настоящему широкий размах протестные движения способны принять там, где имеются вышеописанные структурно-демографические факторы.

Таким образом, синхронность арабских протестов обеспечили особые факторы, во многом связанные с техническим прогрессом (см. об этом также в *Главе 7*), прежде всего новые информационные технологии, в том числе интернет-технологии [см., например: Васильев 2011]. Здесь, конечно, необходимо иметь в виду, что уже задолго до Арабской весны в Арабском мире сложилось единое интернет-пространство [см., например: Abdulla 2007], где на понят-

ном для всех интернет-грамотных арабов едином арабском литературном языке представители стран, еще не охваченных волнениями, могли свободно общаться с жителями стран, этими волнениями охваченных или уже через них прошедших. И если даже один из авторов этой монографии получил через *Facebook* приглашение прийти 28 января на Тахрир, то понятно, что в Арабском мире за пределами Египта такие приглашения получили миллионы интернет-пользователей.

Среди технических факторов совершенно особую роль в синхронизации событий Арабской весны сыграли общеарабские спутниковые каналы, прежде всего «Ал-Джазира» и «Ал-Арабия» [см., например: Tausch 2011]. Здесь необходимо иметь в виду, что за последние 10–15 лет в Арабском мире произошла еще и медиареволюция, выразившаяся в том числе и в появлении высокопрофессиональных телевизионных спутниковых каналов, к тому же уже получивших к началу Арабской весны колоссальную популярность во всем Арабском мире (в том числе и в тех странах, где СМИ находились под достаточно жестким государственным контролем). Лучшее всего, конечно, известен катарский канал «Ал-Джазира», но, скажем, «Ал-Арабия» – саудовско-эмиратский аналог «Ал-Джазиры» – вполне сопоставим с ним по уровню профессионализма.

У тех, кто видел трансляции этих каналов в ходе Арабской весны на понятном во всем Арабском мире языке²², работу их талантливых тележурналистов, передававших необыкновенно эмоционально яркие образы народных выступлений во все концы Арабского мира, нет особых сомнений в том, что они сыграли колоссальную роль в генезисе волны социально-политических потрясений. Примечательно, что за пределы Арабского мира (даже в страны с близкими структурно-демографическими характеристиками, но не получавшие непрерывные потоки возбуждающих образов народного восстания с лозунгами, понятными всем речами и комментариями) эта волна практически не вышла. На наш взгляд, определенную роль сыграл даже блестящий лозунг Арабской весны, рожденный еще в ходе первой, Тунисской, революции – *аш-ша'б йурид искат ан-низам*. Помимо своей особой зажигательной (но лишь для тех, кто знает арабский язык) ритмической структу-

²² Кстати, именно на литературном арабском, а не, скажем, на египетском диалекте, доминирующем на египетском телевидении.

ры, он сыграл важную роль и благодаря своему смыслу («народ хочет падения режима»); таким образом, он направлен не против какого-то конкретного правителя или режима, но требует «падения режима» вообще, то есть его оказалось возможным использовать в любой арабской стране без исключения.

Ну и конечно, мы уверены, что «цунами революций» не прокатилось бы по всему Арабскому миру, если бы революция в Тунисе не оказалась столь быстрой и бескровной, если бы она не создала ощущения, что смены власти в любой арабской стране можно добиться столь же легко.

Общие и особенные причины арабских потрясений на примере анализа революции в Египте

В свете изложенного выше рассмотрим несколько более детально причины египетской революции 2011 г.²³, чтобы яснее увидеть общие условия арабских революций и их специфику в отдельных странах.

В общем неудивительно, что администрация Х. Мубарака «проморгала» социальный взрыв. Ведь статистика (и совсем не без оснований) утверждала, что страна развивается очень даже успешно. Наблюдается хороший темп экономического роста (даже в кризисные годы). Уровни бедности и неравенства – одни из самых благополучных в третьем мире. Мировые цены на продовольствие растут, но правительство принимает серьезные меры для смягчения последствий этого роста для беднейших слоев населения. Уровень безработицы (в процентах) меньше, чем во многих достаточно благополучных странах мира, и в последнее время несколько сокращается, что происходит на фоне замедления темпов роста населения. Казалось бы, какие основания ждать крупномасштабного социального взрыва? Да, существуют, конечно же, небольшие группки смутьянов-блогеров, но разве есть хоть какие-то основания ожидать, что они смогут вывести за собой сколько-нибудь значительные массы людей?

И конечно, было трудно просчитать, что по режиму Мубарака больно ударят успехи, достигнутые им (и его предшественником)

²³ Подробнее см. *Главу 2*.

в модернизации Египта, успехи, обеспечившие резкое падение в 1975–1990 гг. смертности вообще и младенческой и детской смертности в особенности, успехи, без которых очень многие молодые египтяне, с пеной у рта требовавшие на Тахрире отставки (или даже смерти) Мубарака и «падения режима», просто не дожили бы до того возраста, когда они смогли бы выйти на улицы с подобными требованиями [Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в]. Да, процентный уровень безработицы в Египте с середины 1990-х гг. практически не изменился. Но численность египетской молодежи за тот же самый период выросла почти в два раза. А значит, как минимум во столько же выросло и количество молодых безработных (это, кстати, о том, как опасно доверяться процентам).

И еще одна деталь. Исследование, проведенное Центральным агентством по общественной мобилизации и статистике Египта в III квартале 2010 г., выявило не только то, что около половины египетских безработных относились к возрастной группе 20–24 лет, но и еще одно впечатляющее обстоятельство: более 43 % египетских безработных имели высшее образование [Al-jihaz al-markaziyyu 2010]! Таким образом, ударный отряд египетской революции был не только молодым, но и высокообразованным, что, как мы отмечали, наблюдалось и в некоторых других арабских странах. Хотя имелась и заметная специфика египетской революции (в Египте высшее образование было развито лучше, чем в других странах). Возможно, эта специфика обусловила в том числе и ее определенную эмоциональную привлекательность для представителей первого мира, а главное – относительную (в особенности по меркам третьего мира) малокровность (по крайней мере, в первой фазе Арабской весны, в декабре 2010 – феврале 2011 г.). Действительно, несмотря на колоссальный размах египетских событий, вовлекших в свой круговорот на многие дни миллионы людей, общее число погибших составило лишь несколько сотен человек (при этом в подавляющем большинстве это были погибшие от рук не восставших, а сил безопасности и привлеченных ими к подавлению восстания уголовных элементов). Примечательно, что во время предыдущих крупных народных волнений в Египте – «хлебных бунтов» 1977 г. (в качестве главной ударной силы в них выступила малообразованная египетская молодежь), которые продолжались всего два дня и имели число участников, измерявшееся сотнями тысяч (а не мил-

лионами, как в 2011 г.), – погибли около 800 человек [см., например: Hirst 1977]. В этом отношении египетская революция 2011 г. оказалась на самой начальной фазе ближе к молодежным волнениям (и «бархатным революциям») в Европе последних десятилетий, чем к кровавым народным восстаниям и революциям в третьем мире (отметим, ее развитие оказалось более кровавым, чем начало; но, конечно, египетскую революцию в этом плане нельзя даже сравнивать с событиями в Сирии, Ливии и Йемене, где протестные выступления переросли в полномасштабные гражданские войны [подробнее об этом см. часть 2 данной монографии]).

Подчеркнем также, что многие из претензий восставших к режиму Мубарака были вполне обоснованными. Действительно, десятилетия чрезвычайного положения создали ситуацию полной бесконтрольности сил безопасности, что привело к массовому использованию пыток по отношению к недовольным режимом. Вполне обоснованы были и претензии к прошедшим незадолго перед революцией (в ноябре – декабре 2010 г.) парламентским выборам, в ходе которых масштабы фальсификаций достигли запредельных высот. И, как уже было сказано выше, недостаточная легитимность режима в глазах населения обусловила его нестабильность в этот критический момент.

Здесь необходимо также иметь в виду следующее обстоятельство. Египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря сильнейшему внутриэлитному конфликту. Это, впрочем, не является уникальной особенностью Египта, поскольку может быть прослежено (правда, в иных аспектах) и в других арабских революциях – в Тунисе, Ливии, Йемене (о последнем см. *Главу 4*). Недаром, по мнению Дж. Голдстоуна, внутриэлитный конфликт является необходимым условием победы практически любой революции [см., например: Goldstone 2001]. Но в каждой стране этот конфликт принимает особые формы. В отношении Египта речь идет прежде всего о конфликте между военной элитой («старой гвардией») и элитой экономической («молодой гвардией») – группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком. Армейская группировка контролировала (и контролирует) не только вооруженные силы Египта, но и значительную часть египетской экономики. Речь идет и о военных предприятиях, и о больших земельных массивах, разного рода не-

движимости, автозаправочных станциях, строительных и транспортных предприятиях, фабриках и заводах, выпускающих не только продукцию оборонного назначения, но и телевизоры, холодильники, макароны, оливковое масло, крем для чистки обуви и т. д.²⁴ Оценки доли египетской экономики, контролируемой военными, даются различными аналитиками в пределах от 10 до 40 %²⁵ [Roy 1992; Nepstad 2011: 489; Tadros 2012; Marshall, Stacher 2012]. Эту группировку египетской элиты очень пугало возвышение «молодой гвардии» ведущих египетских бизнесменов под руководством Гамала Мубарака, контролировавшей экономический блок египетского правительства, которое начиная с 2004 г. проводило эффективные экономические реформы, приведшие к заметному ускорению темпов роста египетской экономики. «Перед событиями 2011 г. египетские генералы выражали свою озабоченность планами президента Мубарака назначить Гамаль своим преемником. Многие были уверены, что, если Гамаль станет президентом, он начнет осуществлять политику приватизации, которая приведет к демонтажу экономической империи египетских военных» [Nepstad 2011: 489]. Действительно, были все основания ожидать, что ведущие египетские бизнесмены из круга Гамала Мубарака в случае его прихода к власти «наложат руку» на собственность военных – под предлогом (вполне реальной) неэффективности использования соответствующих объектов собственности и необходимости его оптимизации.

Этот внутриэлитный конфликт позволяет понять многие обстоятельства египетской революции, которые на первый взгляд могут казаться загадочными. Скажем, на всем протяжении революции египетская армия достаточно четко охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая попытки протестующих их захватить. Однако уже в самые первые дни революции (28–29 января 2011 г.) армия дала возможность захватить, разгромить и сжечь штаб-квартиру правившей Египтом Национально-демократической партии. Но если разобраться, то ничего странного в этом не было, ведь реальным руководителем данной партии был именно Гамаль

²⁴ При этом находящиеся в фактической собственности египетских военных предприятия обладают важным конкурентным преимуществом: они могут пользоваться практически бесплатным трудом египетских военнослужащих-срочников [см., например: Tadros 2012].

²⁵ При этом последняя оценка представляется откровенно завышенной.

Мубарак, а значит, армейская верхушка руками протестующих наносила мощный удар по элитарной группировке своего заклятого врага [см., например: Исаев, Шишкина 2012a].

В контексте до сих пор модного восприятия египетских событий января – февраля 2011 г. как «противостояния революционных народных масс и авторитарного режима» очень странно выглядела и знаменитая «Битва верблюда», когда протестующих на Тахрире пытались разогнать при помощи странной «гоп-компании» верблюжатников – работников туристических сервисов из района пирамид, занимавшихся прокатом для туристов лошадей и верблюдов; при этом они атаковали протестующих на этих самых лошадях и верблюдах, что и придало специфически-экзотический колорит как событиям 2 февраля, так и всей Египетской революции. Но если это было действительно «противостояние народных масс и авторитарного репрессивного режима», то зачем «авторитарному режиму» было прибегать к такого рода непонятной «самодеятельности», а не воспользоваться для разгона протестующих профессиональным репрессивным аппаратом? Дело в том, что уже 2 февраля протестующим на Тахрире противостоял не профессиональный репрессивный аппарат, контролировавшийся «старой гвардией» (занимавшей скорее позицию доброжелательного по отношению к протестующим нейтралитета), а группировка бизнес-элиты, не контролировавшая репрессивные органы и поэтому вынужденная использовать для противостояния требовавшим смещения их лидера протестующим нанятый на личные деньги этих же самых бизнесменов полууголовный элемент [подробнее об этом см., например: Essam El-Din 2011; Исаев, Шишкина 2012a: 70–73; Исаев, Коротаев 2013; 2014]. Невмешательство военных и полиции и объясняет столь легкую «победу революционных масс».

Заключительные замечания

В конце января 2011 г. Мубарак столкнулся со следующей комбинацией долго-, средне- и краткосрочных факторов, которой было нереально противостоять.

1) Стремительный рост численности образованной молодежи (вызванный как падением смертности на фоне все еще высокой рождаемости в ранние годы правления Мубарака, так и стремительной экспансией высшего образования) привел к появлению

огромной массы безработной (или неадекватно трудоустроенной) образованной молодежи, сосредоточенной в очень высокой степени именно в столице.

2) Быстрое и относительно бескровное падение авторитарного режима Бен Али, ярко и талантливо показанное арабскими спутниковыми каналами, спровоцировало лидеров уже существовавших либеральных секулярных диссидентских (преимущественно молодежных) формирований, структурированных прежде всего через Facebook-группы «Молодежь 6 апреля» и «Все мы – Халед Саид» [см., например: Гоним 2012], предпринять подобную попытку в Египте. В качестве ударного отряда, запустившего протесты, выступила именно образованная молодежь.

3) Вторая волна агфляции привела к стремительному росту цен на продовольствие, вследствие чего к ударному отряду Арабской весны, неустроенной высокообразованной молодежи, присоединились массы простых египтян, оказавшихся в результате взрывообразного роста цен ниже уровня бедности.

4) Все это разворачивалось на фоне вскрывшегося острейшего внутреннего конфликта между военной и экономической элитой (возглавлявшейся фактически Гамалем Мубараком), в результате чего военная элита решила использовать народные протесты для ликвидации (как минимум политической) своего главного противника и отказалась подавлять протесты, что и обеспечило их столь неожиданный и быстрый успех.

5) И наконец, чисто внутренний (но типологически совершенно закономерный для непоследовательных автократий) момент. Очень большую роль в генезисе египетского протестного цунами сыграло грубое нарушение египетскими властями в ноябре – декабре 2010 г. неформальных правил игры с «Братьями-мусульманами», когда в результате особо масштабных фальсификаций властям удалось почти полностью заблокировать проведение «Братьями-мусульманами» своих представителей в египетский парламент. В результате, лишив «Братъев-мусульман» возможности осуществлять политическую деятельность легально, египетские власти фактически «выпихнули» их на Тахрир, заставили перейти от легальной (и полуполигальной) оппозиционной деятельности к нелегальной. В свою очередь, присоединение к протестам «Братъев-мусульман» (с их колоссальным практическим опытом организационной работы)

придало волнениям несравненно больший размах и организованность.

* * *

Рассмотрим теперь под этим углом Арабскую весну в целом.

1) Хотя протесты в Алжире начались раньше, ставшая уже традиционной практика начинать описание событий Арабской весны с 17 декабря 2010 г., когда молодой безработный Мухаммед Буазизи совершил акт самосожжения в провинциальном тунисском городке Сиди Бузид, представляется вполне оправданной. Поднявшаяся волна протестов закончилась неожиданно быстрым падением режима Бен Али прежде всего из-за обнаружившегося внутриэлитного конфликта между находившейся в непривилегированном положении армией и привилегированными силами госбезопасности, состоящими под специальной опекой выходца из этой системы – президента Бен Али. В результате армия перешла на сторону протестующих, что и предопределило падение авторитарного режима в Тунисе.

2) Неожиданно быстрое (и довольно-таки бескровное) падение авторитарного режима Бен Али подтолкнуло лидеров молодежных секулярных движений в Египте к попытке организовать (с широким использованием социальных сетей) масштабные протесты в этой стране. В силу накопившегося в АРЕ (и подробно описанного выше) внутреннего напряжения эта попытка вызвала лавину, приведшую к падению и режима Мубарака.

3) Все вышеперечисленное подняло волну дестабилизации по всему Арабскому миру (признаки начала этой волны стали, впрочем, проявляться сразу после быстрой победы Тунисской революции). При этом масштаб дестабилизации в конкретных странах зависел прежде всего от того, в какой степени там присутствовали соответствующие предпосылки, такие как внутриэлитный конфликт, промежуточный характер политического устройства²⁶, наличие непривилегированных групп (за исключением гастарбайтеров), высокая доля безработных молодых людей (в особенности с высшим образованием). В ряде случаев (прежде всего в Ливии и Сирии) важную роль сыграло внешнее дестабилизирующее воз-

²⁶ Как мы уже отмечали, последовательно авторитарные режимы в странах Арабской весны оказались более устойчивыми, чем режимы непоследовательно авторитарные.

действие²⁷. С другой стороны, мощное стабилизирующее воздействие в странах Арабской весны оказало наличие кровавых политических потрясений в недалеком прошлом (в таких странах элиты и народ хорошо помнили, что в результате мощной дестабилизации страдают абсолютно все, и явно старались ее избегать) [подробнее об этих факторах см., например: Цирель 2012б; Малков и др. 2013; Kogotayev, Issaev *et al.* 2013; 2014].

Синхронизации дестабилизационных процессов в странах Арабской весны при этом способствовали следующие факторы:

1) наличие панарабских интернет-сетей, по которым арабская революционная молодежь могла свободно обмениваться призывами к восстаниям, конкретным опытом протестной активности и т. п.;

2) наличие панарабских телевизионных каналов, распространявших яркие образы революционных протестов по всему Арабскому миру;

3) вторая волна глобальной агфляции, пик которой пришелся как раз на февраль 2011 г.;

4) и наконец, сходная фаза модернизационного перехода, на которой находилось большинство арабских стран, с характерным для нее стремительным ростом численности высокообразованной (и при этом зачастую неустроенной) молодежи.

* * *

Таким образом, Арабская весна 2011 г. наглядно подтвердила актуальную опасность для многих развивающихся стран попасть в процессе модернизации и завершения демографического перехода в постмальтузианскую ловушку («ловушку на выходе из ловушки»). События в Арабском мире также продемонстрировали, насколько существенным образом процессы, связанные с попаданием в такие ловушки, влияют на социально-политическую динамику.

²⁷ Вместе с тем очень сильным стабилизирующим действием в арабских странах оказалась преобладающая монархическая форма государственного устройства.